

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДИББУК

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Источники к курсу медленного чтения
Александры Полян и Марии Каспиной
Часть 2

Москва
ноябрь 2019 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

1. Майсэ-бух (Базель, 1602).

История № 152 (Перевод Б. Котлермана)

Цит. по: Котлерман Б. Агода на идише: «майсе-бух» и народная культура ашкеназских евреев // Лехаим. Август 2007.

Эта история произошла с одним юношей (бохер), в которого вселился злой дух (руэх). Пробовали заклятиями (машбиэ) выведать у духа его имя или имя его жены. Но всякий раз, когда напоминали ему о его жене, он принимался кричать, что жена его осталась соломенной вдовой (агунэ), то есть она не может взять себе другого в мужа, поскольку ее муж утонул в море, а мудрецы (хахомим) не могут ее освободить (матир), чтобы она взяла себе другого мужа.

Потребовал дух от мудрецов освободить его жену и выдать ее замуж, и предоставил им множество доказательств (симоним), что сам он утонул в море, а у него дома этого не знали. Сказали мудрецы: мы не можем освободить ее. Поэтому он и кричал, ибо между тем она стала блудницей, поскольку не хотели ее освобождать, чтобы она взяла себе другого мужа.

Тут спросили его мудрецы, отчего нет ему покоя (менухэ), какие грехи (авейрес) он совершил? Сообщил им дух, что он прелюбодействовал с одной замужней женщиной (эйшес-иш). Спросили мудрецы: как звали ту женщину, с которой он прелюбодействовал? Не захотел дух отвечать – мол, она уже давно мертва и это ничему не поможет, даже если я и скажу. Ведь согласно нашим мудрецам, сказал дух, полагается четыре вида смерти (митес) тому, кто прелюбодействовал с замужней женщиной, и на него это тоже распространяется.

Стали мудрецы совещаться между собой, и в это время юноша вдруг встал на ноги. Спросили его мудрецы, почему ты встал? Отвечал юноша: потому что сейчас сюда войдет ученый муж (талмид-хохем). Обернулись мудрецы, и тут вошел ученый муж, как и говорил юноша, а вместе с ним вошла в тот же дом пара (хеврусэ) молодых людей, которым тоже захотелось послушать. Тут сказал злой дух: не потому ли вы пришли сюда, что вам на меня захотелось посмотреть? Ведь и среди вас есть такие, кто поступал подобным образом, и они тоже станут такими, как я сейчас. Испугались молодые люди сильно. Сказал злой дух: чему вы так удивляетесь, вон среди вас стоит один в белой одежде – так он лежал с женщиной (зóхер), что даже хуже, чем прелюбодействовать с замужней женщиной. Испугались молодые люди еще сильнее и посмотрели друг на друга, и тот, что был в белой одежде, закричал: это – за многие грехи наши (бэавоносейну а-рабим) – правда, я это действительно делал и другой тоже! И они признались (мойдэ) в своих злых деяниях (майсим).

Спросил один из мудрецов: откуда тебе известно об их делах? Засмеялся дух и сказал им: ведь написано «на руке каждого человека печать» (у-бе-йад коль одом хойсэм). Это значит, что у каждого человека написано на руке о делах его. Спросили его: как же ты можешь видеть их руки, если они держат их под верхней одеждой? Тут он снова засмеялся и сказал: разве не могу я видеть повсюду?

Спросили его, как же он попал в юношу? Ответил им дух, что не было ему покоя (манбах) в воде, рыбы съели его тело, душа (нешómэ) вышла наружу и попала в тело коровы. Корова сбесилась (мешугэ), и иноверец (гой) продал ее еврею (ихудэ), а еврей ее зарезал в присутствии того юноши – он в него и влетел.

Тут мудрецы его заклинали, вышел он из юноши и улетел.

2. С.А. Анский. Диббук (Меж двух миров)

лица:

В прологе и эпилоге:

Старик.

Дочь.

В драме:

Раби Шлоймеле Тартаковер – цадик, старик.

Михоэль – его главный служка (габай).

Раби Шамшов – раввин в Тартакове.

1-й духовный судья (даян).

2-й духовный судья (даян).

Раввин в Бринице.

Сендер Гевирцман – купец, хасид в Бринице.

Лия – его дочь.

Фрада – ее старая няня.

Гитель } – племянницы Лии, приезжие.
Бася }

Хонон }
Энех } – ешиботники в Бринице.
Хаим }

Меер – синагогальный служка в Бринице.

1-й }
2-й } – синагогальные завсегдатаи, старики.
3-й }

Прохожий старик.

Старый хасид.

Пожилая еврейка.

Маршалок – свадебный поэт.

Алтер – сервировщик.

Бабка Хана – повитуха.

Кухарка.

Свадебный гость.

Горбун.

Нищий на костылях.

Хромая }
Безрукая } – нищие старухи.
Полуслепая }

Высокая, бледная женщина, нищая.

Хасиды, ешиботники, прихожане, лавочники, лавочницы, свадебные гости, слуги, нищие, уличные прохожие, женщины, дети, водонос, 2-я кухарка.

Первое и второе действия происходят в Бринице, третье и четвертое – в Тартакове, в доме раби Шлоймеле. Между первым и вторым действием – три месяца.

ПРОЛОГ

Большая, хорошо убранная комната. Посреди комнаты стол, заваленный старыми фолиантами. У стены – мягкий диван. У входных дверей – *пожилой человек* в темном пальто и котелке, собираясь уйти, крепко пожимает руку провожающего его с лампой в руке

Старика и печально, с поникшей головой медленно уходит. Старик, подавшись вперед, точно желая его задержать, остается на месте. Потом проводит рукою по лбу, возвращается медленно к столу, ставит лампу, садится в кресло, раскрывает фолиант и углубляется в чтение. Пауза. Из внутренних комнат неслышно выходит в белом ночном одеянии Дочь, бледная и хрупкая. Останавливается у дверей.

Дочь (*нерешительно*). Папа...

Старик (*оборачивается к ней, тревожно*). Что ты, дочь моя?

Дочь. Не могу уснуть... Жутко... Тяжело дышать... Побуду немного с тобою. Старик (*тревожно*). Доктор сказал, что тебе следует лежать.

Дочь. Ничего... Посижу здесь на диване. (*Взбирается на диван, садится в углу.*)

Старик. Я принесу одеяло или платок закутать тебя.

Дочь. Не надо, папа, так мне легче... Ты читай себе, как раньше. Я буду сидеть молча, не буду тебе мешать. (*Пауза.*) В детстве я очень любила глядеть, как ты изучаешь твои фолианты. Я иногда целыми часами просиживала неподвижно на этом месте и следила за тобою, как ты, чуть-чуть раскачиваясь, тихо произносишь странным грустным напевом непонятные слова. Мне тогда казалось, что фолиант тоже живой и мудрый, что вы шепчетесь о чем-то очень важном и сообщаете друг другу тайны, которых никто не должен подслушивать... (*Тише, подавленным голосом.*) Как давно это было...

Старик (*поникнув головой*). Давно...

Пауза.

Дочь. Тогда мне казалось, что никто не в состоянии понять и не должен знать то, о чем ты шепотом беседуешь с фолиантом... А теперь мне хотелось бы знать, что там написано. О чем ты сейчас читал?

Старик (*растерянно*). Тебе трудно будет понять... (*Заглядывает в фолиант.*) Впрочем, как раз это место, где я остановился, тебе будет понятно. (*Глядя в книгу.*) «И сказал раби Иосаи: “Однажды, будучи в пути, я зашел в один из разрушенных домов Иерусалима, чтобы там помолиться. Когда вышел, я нашел у дверей Илью-пророка, и он

спросил меня: – Сын мой, какой глас слышал ты в сем пустынном доме? – И я ответил ему: – Я слышал глас голубиный, рыдающий и говорящий: Горе мне! Я разрушил свой дом, сжег свой Храм и обрек своих детей на скитание между чужими народами. – И сказал мне Илья: Клянусь жизнью и головой твоей, что не только в сей час, но три раза в день раздастся этот плачущий глас Господа”»...

Дочь (*поражена*). Неужели все это так и сказано?.. Бог кается! Бог плачет! Как это неожиданно! Я всегда представляла себе еврейского Бога грозным и непреклонным. И вдруг оказывается, Ему присущи человеческие чувства, раскаяние, слезы...

Старик. Господь любит кающихся.

Дочь. И прощает их?

Старик. В Талмуде сказано: «Величайшим праведникам недоступны чертоги, уготованные для раскаявшихся грешников».

Дочь (*вдруг совершенно иным тоном. Громко и сухо*). Господь прощает. А ты? Ты не прощаешь!

Старик (*растерявшись*). Что ты говоришь?..

Дочь. Я говорю, что ты не прощаешь! (*С отчаянием.*) Почему ты все время молчишь?

Старик. Что ты, дочь моя, что ты! Успокойся, не волнуйся. Кто молчит?

Дочь. Вот уже месяц, как я вернулась к тебе, больная и надломленная. И ты мне еще ни одного слова не сказал.

Старик. Что же я должен был тебе сказать? Что я мог сказать?

Дочь. Как? Дочь, единственная дочь, опозорила твои седины, бежала из-под венца с человеком, которого ты к себе на порог не пускал, пропадала без вести целых пять лет. И вдруг неожиданно вернулась домой... И ты не нашел, что сказать ей?

Старик (*сухо*). Не нашел...

Дочь. Ты не выгнал, не проклял меня, не упрекнул. Ты окружил меня нежным уходом. Но ты поставил между собой и мною немую стену, которую ничем нельзя пробить. Ты отнял у меня всякую надежду на прощение...

Старик (*подавленным голосом*). Я тебя простил...

Дочь. Так не прощают... Так не прощают живых людей... Ты думаешь, я не понимаю, почему ты так осторожно относишься ко мне...

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Старик (*вскакивает, кричит*). Молчи! Ты ничего не понимаешь! Ни ты не понимаешь, ни я не понимаю, ни доктор не понимает. Понимает лишь Один, Тот, Кто все знает!

Дочь (*притихнув*). Да... Мы не понимаем. Поэтому, может быть, мы не умеем прощать... (*С горечью*.) Но почему ты не сделал попытки понять меня?

Старик (*с мольбой*). Дочь моя, не будем говорить об этом. Я не могу тебя понять.

Дочь. Ты можешь, ты должен меня понять! Ты должен понять, что я полюбила этого человека беззаветно, безумно...

Старик. Беззаветно... Безумно... Знала ты его всего несколько недель, может быть, несколько дней... И был еще человек, которого ты целых восемнадцать лет любила и, казалось, тоже беззаветно, человек, у которого, кроме тебя, никого в мире не было. Почему же вторая любовь перевесила первую?

Дочь. Не перевесила... Я продолжала тебя любить, как раньше. Но та любовь была совершенно иная...

Старик (*тихо*). Иная... иная... Не понимаю...

Дочь. Отец! Ведь ты сам был когда-то молод. Неужели ты никогда не любил? Старик (*печально*). Как не любил? Любил! Твою покойную мать, и сильно любил. Любил всякого, кто был достоин любви...

Дочь (*в отчаянии*). Ах, не то... Не то... (*Иным тоном*.) Отец, ты мне рассказывал, что в молодости учился в ешиботе. Там были сотни юношей. Неужели ни с кем из них не случилось ничего подобного? Чтобы кто-нибудь влюбился в женщину. Понимаешь, влюбился!

Старик. Влюбился в женщину... Нет. Случались развратники. Но о них не стоит говорить... А о любви мы не слыхали. У нас мысль была занята совершенно иным...

Дочь (*в сильном волнении*). Отец! Этого быть не может. Молодость всегда и везде одна. Подумай! Припомни!..

Старик. Ради Бога, не волнуйся! (*Торопливо*.) Ну, я припомнил, припомнил... Был такой случай... Но это было нечто совершенно другое.

Дочь (*радостно*). Был случай! Был!

Старик. Когда я был юношей, у нас в синагоге рассказывали историю про ешиботника. Но это совершенно не то, что ты думаешь!

Дочь (*жадно*). Расскажи! Расскажи!

Старик. История эта длинная и очень печальная! Там вмешались сверхъестественные силы. По вашим теперешним понятиям ты, пожалуй, не поверишь, что все это могло случиться. Но я слышал историю от людей, которые собственными глазами все видели.

Дочь. Расскажи! Я поверю! Я всему поверю!

Старик (*закрывает фолиант, садится против дочери и начинает повествовательным тоном*). У Талненского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь Иудейский, жив и вечен».

С первых его слов занавес начинает медленно опускаться.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Низенькая, очень старая деревянная синагога с почерневшими стенами с подпорками. С потолка спускаются два старинных медных канделябра. Посреди передней стены – кивот со свитками под завесой, рядом с ним справа (от зрителей) амвон, на котором горит толстая восковая поминальная свеча. У стены длинные скамьи со спинками. Посреди синагоги аллемор, покрытый темной скатертью. В стене справа, ближе к зрителям невысокая дверь в отдельную молельню, над дверьми и во всю правую стену несколько небольших оконцев из женского отделения. Вдоль стены длинный деревянный некрашеный стол, заваленный старыми фолиантами. В двух подсвечниках горят сальные огарки. За столом в разных позах сидят ешиботники и тихо, тонким напевом, читают Талмуд. Отдельно, у передней стены, неподалеку от амвона, за пюпитром сидит, облокотившись и углубившись в фолиант, Энех. В левой стене, ближе к зрителям, большая дверь с улицы, у дверей – рукомойник и грубого полотна полотенце в кольце. За дверьми большая выбеленная печь, длинный деревянный простой стол, на нем тоже фолианты и бутылка с сальным огарком. У стола сидят 1-й, 2-й и 3-й синагогальные завсегдатаи в позах беседующих на скамье, у печи лежит

Прохожий старик с туго набитым мешком в головах. За столом – шкаф с книгами. Возле него стоит, держась рукою за верх шкафа и прислонившись к стене, в задумчивой позе Хонон. У раскрытого аллемора сидит на корточках Меер, раскладывая молитвенные облачения. В синагоге полумрак, тяжелые тени. На всем печать глубокой грусти. Долгая пауза.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

1-й старик (*медленно, мечтательно, тоном легенды*). У Талненского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь Иудейский, жив и вечен»...

Пауза.

2-й старик (*таким же тоном*). Святой раби Исроэль Ружинский вел себя истинным монархом. За его столом постоянно играла капелла из двадцати четырех музыкантов. Выезжал он не иначе, как на шестерке лошадей цугом.

3-й старик (*с умилением*). А о раби Шмуэль Каминкере рассказывают, что он ходил в золотых тифельках... в золотых тифельках!..

Прохожий старик (*приподымается, садится. Тонем протеста*). А святой раби Зуся Анопольский всю жизнь был нищим, собирал милостыню, ходил в сермяге, опоясанный веревкой, а все-таки творил не меньше чудес, чем Талненский или Ружинский цадики; даже, может быть, больше...

1-й старик (*с неудовольствием*). Вы, извините, не понимаете, о чем говорят, и вмешиваетесь. Когда рассказывают о величии Талненского или Ружинского, разве имеют в виду их богатства? Мало ли богачей на свете!.. Надо же понимать, что и в золотом троне, и в капелле, и в шестерке лошадей, и в тифельках скрывался глубокий и таинственный смысл.

3-й старик. Конечно, конечно!

2-й старик. Кто имел очи – тот видел. Рассказывают: когда великий Аптрский раввин встретился с Ружинским, он бросился целовать колеса его кареты. И когда его спросили, что это означает, он воскликнул: «Слепцы, вы не видите, что это Небесная Колесница?»

3-й старик (*в восторге*). Ай, ай, ай!

1-й старик. Вся суть в том, что золотой трон не был золотым тронном, лошади не были лошадьми, капелла не была капеллой. Все это была одна видимость, отражение величия. И необходимо это было как материальная оболочка для их великой мощи.

3-й старик. Их мощь! их мощь! Она не имела границ! .

1-й старик. Шутка ли, их мощь! Вы слышали историю с плеткой святого

<...>

1-й старик (*зевает*). А-а, надо лечь спать... (*Улыбается.*) Вот если б сюда явился заклинитель ваш, который умеет цедить вино из стены. А! Я бы теперь ожил от рюмочки! Целый день крошки во рту не имел.

2-й старик. У меня сегодня тоже пост. Только утром гречаный коржик съел.

Меер (*полутаинственно*). Подождите, кажется, скоро будем иметь хорошую выпивку. Будет и водочка, и коржики, и пряники... Сендер поехал смотреть жениха для дочки. Он и сваты съехались в Климовке. Если состоится обручение – Сендер угостит на славу!

1-й старик. А! Я уже не верю, чтобы он когда-нибудь обручил дочку. Три раза ездил смотреть женихов, и все возвращались ни с чем. То ему жених не нравится, то сваты оказывались недостаточно знатного рода, то не сходился насчет приданого. Нельзя так выбирать!

Меер. Сендер может себе позволить быть разборчивым. Слава Богу, не сглазить бы, богат, знатен, дочка – красавица.

3-й старик. Люблю Сендера! Истинный хасид! Из Тартаковских хасидов: с огнем, с порывом!

2-й старик. Хасид-то он хороший, это верно. Но единственную дочь свою он мог бы выдать замуж иначе...

3-й старик. А что? а что?

2-й старик. В былое время богатый и знатный еврей, когда ему был нужен жених для единственной дочери, – то он не искал ни богатства, ни знатности, а отправлялся в какой-нибудь прославленный ешибот, подносил главе ешибота хороший подарок и выбирал себе в зятя самого лучшего, самого способного ешиботника... Сендер мог бы тоже взять для дочери жениха из ешибота.

1-й старик. Ему и не надо было далеко ехать для этого. Что, Хонон не был бы подходящим женихом для его дочери?

2-й старик. Да все и считали, что он возьмет его в зятя. Держал его год у себя в доме, кормил, поил... Домашние относились к нему, как к родному.

1-й старик (*улыбнувшись*). Однажды зашел я к Сендеру. Хонон, по обыкновению, сидел в особой комнате и читал нараспев Талмуд, а в соседней комнате дочь Сендера, Лия, сидит не двигаясь, затихшая, как зачарованная, и слушает. Я не удержался и говорю ей: «Что, Лееле, хотела бы иметь жениха, который бы так сладко, так про-

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

никновенно учил Тору?» Она вся покраснела, потупилась и стыдливо прошептала: «Да». Хе-хе-хе!

2-й старик. А Сендер, когда ему предложили жениха с десятью тысячами червонцев приданого, поехал сговариваться со сватами. Тартаковский хасид не должен бы так поступать.

3-й старик. Ну, ну! Не надо осуждать, не надо. Не состоялось – значит, не суждено было. Сказано: «Сорок дней перед рождением ребенка глас небесный вызывает: – Дочь такого-то предназначена для сына такого-то».

<...>

Слабый стук. Дверь тихо открывается, входят нерешительно Лия, ведя за руку Фраду, и Гитель, останавливаются у дверей. Из молельни выходит Меер.

Меер (узнает пришедших. Удивлен. Подобострастно). Смотри!.. дочь раби Сендера?.. Лия?

Лия (смущенно). Помните, вы обещали показать мне старые-старые завесы кивота?

При первых ее словах Хонон обрывает пение и широко раскрытыми глазами смотрит на Лию. Затем все время он то смотрит на нее с молитвенным восторгом, то стоит с закрытыми глазами.

Фрада (Мееру). Покажи ей старые завесы, покажи! Лиеле дала обет к поминальному дню по матери вышить завесу для кивота. Вышьет она чистым золотом по нежному бархату святую завесу, как в старину вышивали, со львами, с орлами. Повесят над кивотом – и будет радоваться сердце матери в раю...

Лия нерешительно оглядывает синагогу. Увидав Хонона, опускает глаза, отступает на шаг, остается все время с опущенными глазами, в трепетном напряжении.

Меер (предупредительно). Как же! как же! Сейчас принесу из шкафа все самые старые, самые дорогие завесы. (Отходит к шкафу.)

Гитель (хватает Лию за руку). Лиенка! Тебе не страшно ночью в синагоге?

Лия. Я никогда не была здесь ночью. Да и днем была всего один раз. Ведь девушки не ходят в синагогу... Как здесь печально, как печально...

Фрада. Деточки мои, в синагоге не может быть иначе. В полночь приходят покойники молиться и оставляют здесь свою печаль...

Гитель. Бабушка, не рассказывайте о покойниках, мне страшно...

Фрада (*не слушая ее*). А когда на заре Господь плачет над разрушенным Храмом, Его слезы падают в синагоги. Поэтому в старых синагогах стены заплаканные. И их нельзя белить. Если их белить – они сердятся и кидают камнями...

Лия. Какая она старенькая-старенькая. Снаружи я не замечала этого... Фрада. Старенькая, очень старенькая. Никто, никто не помнит и не знает когда ее строили. Говорят даже, что она была найдена под землей выстроенной... Сколько было пожаров, сколько раз весь город выгорал дотла – а она оставалась целой. Однажды только загорелась в ней крыша. И прилетели голуби, целая стая голубей, стали кружиться над крышей, махать крылышками – и потушили огонь. (*К Гитель*.) А обгороженный холмик возле синагоги ты видела? Это святая могилка.

Лия (*вздыхнув*). Могилка жениха и невесты...

Фрада (*жалостливо*). Когда их венчали, Хамелюк напал и убил их под венцом.

На том месте их и похоронили. И теперь, когда раввин венчает жениха и невесту возле синагоги, он слышит из могилки стоны... А после свадебного пира все идут туда и пляшут вокруг могилки, увеселяют жениха и невесту, которые там похоронены.

Лия (*не слушая ее. Как бы про себя*). Как здесь печально и как хорошо. Я не ушла бы из этой старенькой и бедненькой синагоги... Мне хотелось бы нежно ласкать ее, прижаться к ней, спросить ее, отчего она такая печальная и задумчивая, такая заплаканная и безмолвная... Хотелось бы... сама не знаю чего, но во мне сердце разрывается от жалости и нежной печали...

Фрада (*умильно*). Когда ты так говоришь, Лиеле, мне кажется, что слышу голос твоей бабушки, праведницы Рохеле.

Меер (*приносит завесы, разворачивает*). Вот самая старая. Ей более двухсот лет. Мы навешиваем ее только в Пасху.

Гитель (*в восторге*). Какая красота! Посмотри, Лиеле! Густым золотом вышито по плотному малиновому бархату. Два дерева, на них сидят голуби, а внизу два льва держат Щит Давидов. Теперь ни такбо золота, ни такого бархата не найти...

Лия. Какая она нежная и тоже печальная... (*Целует завесу и ласково гладит ее*.)

Меер (*развернув другую завесу*). И вот жемчужная завеса. Наверху цветочки из алмазов. А все слова Богословения вышиты чистым жемчугом. Это мы навешиваем в Судный день.

Лия и Гитель рассматривают завесы.

<...>

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Площадь в Бринице. Слева – высокая деревянная синагога, старая, почерневшая, с целой системой крыш, одна над другою, с дверьми в виде ворот в некотором углублении. Перед нею, у правого ее края, небольшой огороженный холмик со стоящей надгробной плитой с надписью по древнееврейски. За синагогой переулочек, дальше ряд домиков, переходящих в декорацию.

Справа – большой деревянный старинной архитектуры дом реб Сендера. За ним – широкие ворота во двор, переулочек, брама, ряд лавок под каменным сводом, тоже переходящих в декорацию. Далее, на декорации, корчма с высоким помелом, за нею парк и большой дворец помещика.

Широкая дорога, спускающаяся к реке. На противоположном обрывистом берегу, en face, еврейское кладбище с множеством стоящих каменных плит разной величины. С левой стороны на декорации через реку перекинута широкая гать. Стоит ветряная мельница. За нею, ближе к сцене – баня с колодцем и журавлем. На фоне – густой сосновый лес.

Ворота у дома Сендера широко раскрыты. Во дворе расставлены длинные столы, уходящие вглубь двора и выдвигающиеся из ворот на площадь. Столы накрыты, и за ними на длинных скамьях тесно сидят нищие, калеки, старики, старухи, дети и жадно едят. Из дома слуги на больших подносах, которые держат высоко над головой, разносят хлеба и яства.

<...>

Гость (заложив руки за пояс, оглядывает синагогу). Хорошая у вас синагога, большая, красивая. Дух Божий почует на ней. Видно, очень старая.

I-й старик. Очень старая. Старики говорят, что их деды не помнили, когда ее строили.

Гость (*заметив могилу*). А это что? (*Подходит, читает надпись*.) «Здесь похоронены святые, невинноубиенные, жених и невеста, смертью своей прославившие Господа».

I-й старик. Это давняя могилка. Когда Хамелюк, храни нас Господь, напал на местечко и вырезал многих евреев, он убил жениха и невесту, которых как раз в это время вели к венцу. Обоих и похоронили, как святых, на этом же месте, где венчали, в одной могиле. Мы называем ее «святой могилкой».

2-й старик (*полутаинственно*). И теперь, когда раввин венчает молодых, он иногда слышит из могилки стоны. И у нас с давних пор установился обычай, что после венчания все пляшут вокруг могилки, увеселяют похороненных тут жениха и невесту.

Гость. Хороший обычай.

<...>

1-й старик (*удивленно*). Ничего не слышали о старом графе? Ведь вся округа гремела им. Шутка ли, что он вытворял. И рассказывать страшно. Он по ночам превращался в черную кошку и душил еврейских младенцев накануне обрезания. И ничем нельзя было спасти от него, пока сам Бешт не выступил и не поборол его.

Меер (*2-му старику*). Раби Михоэль, ведь вы знаете эту историю. Расскажите. Пусть чужой еврей тоже услышит.

2-й старик (*вздыхает, садится*).

Садятся и другие, кроме Меера.

Однажды святой Бешт, блаженной памяти, велел своему вознице Алексе запрягать лошадь. Алекса запряг, и Бешт с учениками поехал. Как Бешт обыкновенно ездил – вы, конечно, знаете. Он сидит в кибитке и беседует с учениками, Алекса сидит на козлах спиной к лошади и спит. Лошадка сама едет, знает куда, идет тихо, еле переставляет ноги, а проезжают в полчаса тысячу миль, две тысячи миль. И это потому, что под лошадью земля скачет в обратную сторону. Едут они – вдруг лошадка останавливается возле корчмы. Остановилась – значит, так надо. Вышел Бешт с учениками из кибитки, заходят в корчму – видят: корчма убрана по-праздничному, зажжено множество свечей, а сам хозяин сидит в углу сильно удрученный и даже голову не поднял, когда они вошли. Бешт подошел к нему и спрашивает, чем он так удручен. Корчмарь сперва не хотел с ним разговаривать, но когда Бешт к нему пристал – он рассказал о своем горе. «Семь раз жена моя рожала детей, мальчиков, – рассказал он. – Рождались они совершенно здоровыми – а в полночь, накануне обрезания, все умирали. Теперь жена родила восьмого мальчика, завтра должно быть обрезание – и я знаю, что ночью этот ребенок тоже умрет». Бешт выслушал его и говорит: «Твой ребенок будет жив. Ложись спокойно спать». Корчмарь послушался. Бешт поставил возле колыбели двух своих учеников, велел им бодрствовать и дал им пустой мешок. «Этот мешок, – сказал ОН, – держите наготове раскрытым у самой колыбели. И если появится какое-нибудь существо и бросится к колыбели, захватите его в мешок, завяжите крепко-накрепко и позовите меня». А сам ушел в другую комнату и углубился в божественных мыслях. Ученики сделали все, как Бешт велел. Когда настала полночь,

стали тухнуть свечи и в комнату вбежала огромная кошка и бросилась к колыбели. Ученики захватили ее в мешок, завязали и позвали Бешта. Он велел беспощадно бить палками по мешку и затем выбросить избитую кошку на улицу. Так и сделали. Утром ребенок оказался живым и здоровым. Устроили обрезание, пировали и веселились. После пира корчмарь, по обычаю, отнес пану поздравительное угощение.

Меер. Этот пан и был старый граф, дед нашего пана. Понимаете?

2-й старик (*продолжает*). Когда корчмарь принес на двор угощение, слуги сказали ему, что пан болен. Но пан услышал, что пришел корчмарь, и велел его позвать к себе. Корчмарь нашел пана в постели всего покрытого пластырями. Пан спросил его: «Какой это еврей приехал к тебе вчера ночью?» Корчмарь говорит: «Я не знаю, кто он, но видно, божественный человек. Он спас моего ребенка от смерти». И рассказал пану все, что случилось. Пан и говорит: «Скажи этому еврею, чтобы он пришел ко мне». Корчмарь вернулся домой опечаленный, так как боялся, чтобы пан не причинил Бешту какое-нибудь зло. Бешт рассмеялся и говорит: «Не бойся» – и пошел к пану. Как только он пришел, пан ему говорит: «Это не штука, что ты неожиданно захватил меня и избил. А вот если хочешь сразиться со мною, выйдем оба в чистое поле на бой – тогда увидишь, кто из нас сильнее». Бешт ему отвечает: «Я не думал бороться с тобою, а только хотел спасти ребенка. Но если ты меня вызываешь на бой, я не отказываюсь. Я соберу моих учеников, ты собери своих, и через месяц сойдемся на открытом месте». Ровно через месяц оба они сошлись на поле, как условились. Бешт сделал вокруг себя два круга и один вокруг учеников и велел ученикам пристально глядеть ему в лицо, и если заметят, что он изменился в лице, чтобы они усилили проникновение божественными мыслями. Пан тоже сделал вокруг себя и своих учеников круги и начал посылать из своего круга страшных зверей, которые с диким ревом кидались на Бешта. Но как только добежали до первого круга, они исчезали. Так продолжалось целый день. Наконец пан выгнал против Бешта диких кабанов, которые выбрасывали из ноздрей огонь. Кабаны бросились со страшной яростью и прорвали первый круг. Бешт изменился в лице. Ученики, увидев это, усилили божественное проникновение – и кабаны у второго круга исчезли. Три раза посылал пан кабанов, и все они исчезали. Тогда он вышел из круга и говорит Бешту: «У меня уж больше нет сил бороться с тобою. Ты победил и можешь меня убить». Бешт ему ответил: «Если бы я хотел тебя убивать, я бы мог давно это сделать. Я только хотел показать тебе величие нашего Бога. Взгляни на небо». Пан поднял глаза к небу. Прилетели два ворона и выклевали ему глаза. Пан ослеп и не мог больше творить зла, так как вся колдовская сила была у него в глазах. Так да погибнут все враги Твои, Господи.

Пауза. Все поражены рассказом.

<...>

[Танец невесты с нищими]

Фрада. На тебе лица нет, Лееле! Ты устала?

Лия (*закрыв глаза, подняв голову, полусознательно*). Они крепко обнимали меня, прижимались ко мне, впивались в меня холодными пальцами... Голова кружилась, замирало сердце, земля уплывала из-под ног. И какая-то неземная сила подхватила меня и унесла с собою далеко, далеко...

Бася. Они измяли и испачкали твоё платье! Что ты теперь будешь делать? лия (*продолжает, как раньше*). Когда невесту оставляют одну в день венца, её подхватывают духи и уносят, и она сама превращается в дух... Зачем вы меня вернули?..

Фрада (*испуганно*). Какие страшные слова ты произносишь, Леелё. Про духов даже упоминать нельзя. Они лукавые. Они сидят, притаившись во всех уголках, во всех щелочках, все высматривают, ко всему прислушиваются и только ждут, когда про них упомянут, чтобы наброситься на человека. Тьфу! тьфу! тьфу!

Лия (*открывает глаза*). Я их знаю и не боюсь их. Они не страшные...

Фрада. И хвалить их нельзя. Когда злого духа хвалят, он становится дерзким. Лия (*особенно убедительно*). Бабушка, ведь нас окружают не злые духи, а души людей, которые жили на земле раньше нас и вместе с нами и умерли. Это они присматриваются ко всему, что мы делаем, прислушиваются ко всему, что мы говорим. Они живут с нами.

Фрада. Что ты, что ты, Лееле! Души умерших взлетают на небо, покоятся в светлом раю. А грешные души...

Лия (*перебивает её*). Нет, бабушка, нет! Они живут с нами... (*Иным тоном.*) Бабушка! Ведь человек рождается для целой большой жизни! А если он умирает раньше времени – куда же девается его недожитая жизнь, его радости и горести, мысли, которые он должен был думать, дела, которые он должен был сотворить, дети, которых он должен был родить! Куда? Куда?.. (*Иным тоном.*) Жил юноша с высокою душой, с глубокими мыслями. И была перед ним целая жизнь. И вдруг, в один миг, она оборвалась. И пришли чужие люди и отнесли его на кладбище, и похоронили в чужой земле. А куда же делась его недожитая жизнь? его недосказанные слова? его недопетые молитвы? Бабушка, ведь если свеча гаснет раньше, чем догорает, она не исчезает. И её можно вновь засветить, и она будет гореть, пока не догорит до конца. Как же может исчезнуть потухшая раньше времени человеческая жизнь? Как она может исчезнуть?

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Фрада (*качает головой*). Нельзя, Лееле, думать о таких вещах. Господь знает, что делает. А мы, слепые и ничего не знаем.

Лия (*тихо*). Я знаю, бабушка. Жизнь человеческая не исчезает. Души покойников возвращаются на землю и бесплотными духами доживают свою жизнь, довершают свои дела, переживают свои неиспытанные радости, допевают свои молитвы. Вы сами рассказали, как по ночам покойники собираются в синагогу на молитву. Мать моя умерла молодой и не испытала всех материнских радостей. Сегодня пойду к ней на кладбище и приглашу ее к себе на свадьбу. И она придет. И вместе с отцом поведет меня под венец и потом будет плясать со мною... И все другие души тоже живут с нами, радуются и печалются. Но мы их не видим, не понимаем. (*Шепотом.*) Бабушка! Если сильно захотеть, можно их ви-, деть, и слышать их голоса, и жить с ними, как с живыми. Я знаю... (*Пауза. Указывает на могилку.*) Вот святая могилка! (*Встает и медленно идет к могилке.*)

Фрада, Гитель и Бася следуют за нею.

Я знаю эту могилку с раннего детства, знаю покоящихся в ней жениха и невесту, ви-дела их много раз во сне и наяву – и они мне близки, как родные. Шли они молодые и радостные – к венцу, и была перед ними долгая жизнь. И вдруг крики, смятение, налетели жестокие и кровожадные люди. Блеснул топор – и жених с невестой пали мертвыми. И их похоронили в одной могилке. И они стали неразлучными навеки, и души их сплелись вместе, видят и слышат друг друга. И при каждой свадьбе, когда пляшут вокруг их могилки, они выходят и берут у новобрачных частицу их радости и веселья, и справляют собственную свадьбу. (*К могилке.*) Вечные жених и невеста! про-шу вас явиться ко мне на свадьбу! Приходите и станьте рядом со мною под венцом.

<...>

Фрада. Мы должны еще пойти на кладбище...

Сендер. Иди, иди, дочь моя, в гости к матери. Пригласи ее на свадьбу, поплачь над ее могилкой... и скажи ей, что я тоже прошу ее прийти, что я непременно хочу вместе с ней вести к венцу нашу единственную дочь. (*С волнением.*) Скажи ей, что я исполнил все, о чем она меня просила на смертном одре. Все мои заботы я посвятил тебе, воспитывал тебя в страхе Божиим и теперь выдаю замуж за достойного, ученого юношу из лучшей семьи... (*Всхлипывает. Вытирает слезы и с поникшей головой уходит в дом.*)

Пауза.

Лия. Бабушка, ведь можно и кроме матери кого-нибудь из покойников пригласить на свадьбу?

Фрада. Только самых близких родственников. Пригласишь дедушку Эфраима, тетку Миреле...

Лия (*тише*). Хочу пригласить одного... не родственника.

Фрада. Нельзя, дочь моя! Если пригласишь чужого, все другие покойники обидятся, что их не пригласили, и будут причинять зло...

Лия. Но это не чужой... Он был у нас в доме, как родной.

Фрада (*шепотом*). Кто?

Лия (*чуть слышно*). Хонон...

Фрада (*испуганно*). Ой, боюсь, дочь моя! Говорят, что он умер нехорошей смертью.

Лия опускает голову и беззвучно плачет.

Ну не плачь! не плачь! Пригласи и его! На себя возьму грех! (*Спохватившись.*) Но ведь я не знаю, где его могила. А спрашивать непристойно!

Лия. Я знаю...

Фрада. Откуда знаешь?

Лия. Я ее видела во сне! (*Закрыв глаза, как бы про себя.*) И его самого видела... И он говорил со мною, и рассказывал, что с ним происходит на том свете, и просил, чтобы я позвала его к себе на свадьбу.

<...>

[Сцена свадьбы]

Лия (*вырывает руку, отталкивает жениха. Кричит истерически*). Не ты мой жених!!! (*Падает на землю.*)

Сильное смятение. Все кидаются к Лии, поднимают ее, суетятся вокруг нее.

Сендер (*потрясенный*). Дочь моя, дочь моя!!! Что с тобой?

Лия (*снова вырывается. Подбегает к могилке, простирает руки*). Вечные жених и невеста, защитите меня! (*Вскакивает. Совершенно иным, мужским голосом кричит.*) Вы меня похоронили! А я вернулся к моей суженой – и не уйду от нее. Отступитесь от меня!

Раввин подходит к ней. Она ему кричит: «Хамелюк...»

Гости (*отшатываются от нее в ужасе*). В нее воплотилась чужая душа.

Раввин. В нее вошел Дибук!

Общее смятение.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В доме раби Шлоймеле Тартаковера.

<...>

Раби Шлоймеле. Слепой свет... Слепые овцы устремляются к слепому пастырю. Если бы они не были слепы, – они обращались бы не ко мне, а к Тому, Кто может сказать о Себе – Я; к единому, великому Я мира...

Михоэль. Раби! Вы его посланец.

Раби Шлоймеле (*вздыхает*). Это говорят люди, а во мне нет уверенности... Уже сорок лет, как состою цадиком – и до сих пор не знаю, поистине ли я посланец Бога. Бывают времена, когда ощущаю в себе великую мощь, чувствую близость к Богу и сознаю свою власть в высших мирах. Тогда не сомневаюсь, не спрашиваю... Но бывают времена, когда чувствую себя слабым и беспомощным, как покинутый ребенок... И тогда мне хочется самому бежать к кому-нибудь, молить о помощи...

Михоэль. Я помню, раби...

Раби Шлоймеле (*испуганно*). Что ты помнишь?

Михоэль. Однажды, в глухую ночь, вы пришли ко мне в дом, разбудили меня и со слезами стали просить, чтобы я читал с вами Псалмы...

Раби Шлоймеле. Да... Это было давно... Теперь бывает хуже... (*Жалобно.*) Чего хотя бы от меня? Я стар и немощен... Тело просит покоя... душа жаждет уединения. А ко мне тянутся со всех сторон нужды и муки всего мира. Предо мною обнажаются страшные язвы; от меня требуют исцеления, помощи, заступничества... Каждая записка, которую мне подадут, вонзается в тело, как острая игла. (*Всхлипывает.*) Не могу больше...

Михоэль (*испуганно*). Раби! Раби!

Раби Шлоймеле. Не могу больше, не могу!

Михоэль. Раби! Вы не должны забывать, что за вами стоит целый ряд великих предков...

Пауза.

Раби Шлоймеле (*приходит в себя. Сосредоточенно*). Предки... Отец раби Ицелле, блаженной памяти, три раза в день восходивший на небо; дядя, великий раби Меер-Бер, воскресавший мертвых... дедушка, святой раби Велвеле, ученик и друг Бал-Шема... (*Подымает голову*.) Знаешь, Михоэль, дедушка, раби Велвеле, изгонял Диббука без Святых Имен и заклинаний, одним властным окриком, одним окриком. (*Твердо*.) В трудную минуту я всегда обращаюсь к нему, и он мне помогает. Он и теперь поддержит мою десницу... Позови Сендера!

<...>

Сендер выходит. Раби Шлоймеле остается глубоко сосредоточенным. В дверях появляются Сендер и Фрада, ведущие за руки Лию. Она упирается у порога, не хочет войти.

Сендер (*умоляющим голосом*). Доченька, доченька! Сжался! Сжался над отцом, войди!

Лия (*плачущим тоном*). Отец! Я хочу войти, но не могу! «Он» не дает мне войти.

Сендер. Доченька, сделай над собой усилие.

Лия (*голосом Диббука. Кричит*). Я не хочу войти! Я не хочу к равви! Не хочу, чтобы он меня изгонял!

Раби Шлоймеле (*тихо и повелительно*). Отроковица, повелеваю тебе войти в комнату.

Лия послушно, с опущенной головой входит.

Садись!

Она послушно садится на стул.

Сендер и Михоэль, держите ее.

Берут ее за руки. Фрада стоит сбоку и гладит ее по спине.

Лия (Дибук) (*рванувшись с места*). Пустите меня, не хочу!

Раби Шлоймеле. Дибук! Тень человека, ушедшего из мира живых! Скажи нам, кто ты.

Лия (Дибук). Не скажу. Тартаковский цадик, ты сам знаешь, кто я. А другим я не хочу открывать своего имени.

Раби Шлоймеле. Почему ты вошел в эту отроковицу?

Лия (Дибук). Я ее суженый.

Раби Шлоймеле. По закону нашей Святой Торы, мертвый не должен находиться среди живых. Поэтому ты должен оставить тело отроковицы и уйти из мира живых.

Лия (Дибук). Я не выйду!

Раби Шлоймеле *(повышая голос)*. Я тебе вторично повелеваю!

Лия (Дибук) *(кричит)*. Тартаковский цадик! Я знаю, как ты велик и могуществен. [Я знаю, что ты можешь повелевать ангелами.] Но со мною ты ничего не поделаешь. *(С отчаянием.)* Горе мне! Горе мне! Я проиграл оба мира! И некуда мне идти! Из мира живых меня гонят, и земля меня не принимает. И со всех сторон окружает меня тьма дьяволов, щелкают зубами, ждут пока выйду, чтобы растерзать меня! Не выйду! Не выйду!

Раби Шлоймеле. Михоэль, позови десять евреев.

Михоэль выходит и возвращается с десятью человеками.

Святая община еврейская! Даете ли вы мне разрешение действовать вашим именем и вашей властью?.

Все десять человек. Мы даем вам разрешение действовать нашим именем и нашей властью.

Раби Шлоймеле. Именем святой еврейской общины, именем Великого Судилища в Иерусалиме, именем всех праведников и великанов духа в Израиле я, Шлойма бен Годес, предупреждаю тебя и повелеваю тебе, *Дибук, покинуть тело* [духу, выйти из тела] отроковицы Лии бас Ханы без вреда для нее и чтобы, уходя, ты не причинил вреда ни тем, которые здесь, ни тем, которых здесь нет. Если не послушаешься моего повеления, я выступлю против тебя с заклятиями, отлучениями и проклятиями, со всей мощью десницы моей. Если же послушаешься, я употреблю все силы, чтобы исправить и спасти твою душу молитвами и милостыней... Вся община возьмет на себя, чтобы в течение года каждый день, кроме суббот и праздников, кто-нибудь постил для твоего спасения. Я буду читать по тебе поминальную молитву, дабы ты имел покой от дьяволов...

Лия (Дибук). Я не верю вашим обещаниям! Нет такой силы, которая могла бы меня спасти от дьявола и дать мне покой. Мне не страшны никакие заклятия, проклятия, отлучения! Мне некуда идти! *(С рыданием.)* Для меня закрыты все пути и тропы, для меня замкнуты все миры. Я не могу подняться ввысь, и нет такого дна, которого я мог бы достигнуть, падая в пропасть. Существует небо, земля и преисподняя, существует

бесконечное число миров. И во всех мирах, во всей вселенной нашлось только одно убежище, где моя истерзанная душа нашла свой покой. И вы хотите лишить меня и этого последнего убежища. Сжальтесь, не гоните, не заклинайте меня!

Раби Шлоймеле. Мы преисполнены жалости к тебе и обещаем спасти тебя от злых сил и найти тебе место покоя в *царстве небесном* [мире духов. Но я в последний раз повелеваю тебе оставить тело отроковицы].

Лия (Дибук) *(с ожесточением)*. Не выйду! Не выйду! Не выйду!

Раби Шлоймеле. Михоэль! Позови от моего имени раввина и двух духовных судей. Вели приготовить семь черных свечей, семь трубных рогов, отбери семь Свитков Торы. Мы прибегнем к последнему, самому грозному средству.

Михоэль уходит.

Пока выведите отроковицу и выйдите все отсюда.

Сендер. Равви... Равви... *(Громко плачет.)* Равви... за что я так наказан!

Раби Шлоймеле. Мой сын, принимай испытания с любовью и спокойствием. Господь праведен во всех своих путях, но Он полон жалости и милосердия.

Лия (как бы проснувшись). Отец! Я боюсь... Я вся охвачена страхом... Что хотят сделать с ним?

Сендер. Ничего, ничего, дочь моя! Не бойся! Равви знает, что делает. Идем! *(Уводит ее.)*

Все уходят. Раби Шлоймеле сидит в глубокой задумчивости.

Входят раби Шамшон, двое духовных судей и Михоэль.

Раби Шлоймеле (подымается им навстречу). Благословенны грядущие!

Раби Шамшон, судьи. Хорошая неделя, равви!

Раби Шлоймеле. Я беспокоил вас, просил прийти ко мне. Надо спасти дочь Израиля, *освободить от Дибука* [изгнать из нее духа], который не хочет выйти по доброй воле. Приходится *прибегнуть к грозным мерам* [изгнать его посредством проклятий и отлучения]. Я обращаюсь к вам, раби, как к духовному повелителю общины, чтобы вы дали мне разрешение выступить против *Дибука* [духа] с отлучением и заклятиями.

Раби Шамшон (вздыхнув). Отлучение страшно для живого, тем более для мертвого. Но если нет другого средства и такой божественный муж, как вы, находит нужным

прибегать к этому, я даю свое согласие. Но раньше я должен открыть вам тайну, которая имеет отношение к этому делу.

Раби Шлоймеле. Говорите, равви.

Раби Шамшон. Помните, равви, когда-то приезжал сюда к вам молодой человек Ниссон Ривкес, очень набожный и ученый?

Раби Шлоймеле. Помню его хорошо. Он умер молодым.

Раби Шамшон. Да. И вот, в эту ночь он явился ко мне трижды и сказал, что Дибук, вошедший в дочь Сендера, – *душа* [дух] его сына, недавно умершего. И со слезами молил, чтобы я вызвал Сендера на суд с ним, так как он считает его виновником смерти сына.

Раби Шлоймеле. В чем обвиняет он Сендера?

Раби Шамшон. Он не говорит. Обещает на суде все рассказать... но еще раньше я что-то слышал, что Сендер, бывший его близким другом, чем-то обидел его, не выполнив какого-то обещания...

Раби Шлоймеле. Если еврей требует еврея на суд, раввин не имеет права отказать ему. Тем более – покойнику. Но какова бы ни была вина Сендера, это к Дибuku не имеет отношения. Он должен сейчас же покинуть тело отроковицы. А завтра, если Господь позволит, мы разрешим ваш сон, и вы вызовете Сендера и покойника на суд.

Раби Шамшон. Хотя я духовный властелин общины и мы втроем духовные судьи, но мы просим вас, раби, вместе с нами разобрать это трудное дело и быть у нас верховным судьей.

Раби Шлоймеле. Уступаю вашей просьбе... А теперь, Михоэль, вели ввести отроковицу.

Сендер и Фрада вводят Лию и сажают на прежнее место.

Тень человека! Именем духовного властелина общины и суда праведного, сидящего здесь, я, Шлойме бен Годес, в последний раз предупреждаю тебя и повелеваю покинуть тело отроковицы Лии бас Ханы. Если ты и на этот раз не окажешь нам должного повиновения, мы выступим против тебя с самыми грозными закланиями. Я подыму против тебя высших и низших. И тогда тебя ждет вечная гибель...

Лия (Дибук). Я не выйду!

Раби Шлоймеле. Пусть входят десять человек в белых кителях.

ДИББУК

Входят.

Выньте Свитки.

Вынимают.

Зажгите черные свечи.

Зажигают.

Берите трубные рога!

Берут рога.

(Громко, торжественно.) Тень человека, ушедшего из мира живых, заклинаю тебя, чтобы ты в сей же миг покинул тело отроковицы Лии бас Ханы! *(Выжидание. Решительно.)* Трубите Теруо!

Трубят.

Лия (Дибук) (бьется в ужасе). Отпустите меня, не тащите меня! Не хочу выйти! Не могу!

Раби Шлоймеле. Трубите Шворим!

Трубят.

Лия (Дибук) *(изнемогая)*. Не могу, не могу...

Раби Шлоймеле. Трубите Теруо!

Трубят.

Лия (Дибук) *(слабо)*. Я изнемог... Горе мне. Я должен выйти. *(С мольбой.)* Раби, сжался, дай мне сроку хоть до завтра, чтобы вы молитвами успели очистить для меня путь от дьяволов.

Раби Шлоймеле *(подумав)*. Даем тебе двенадцать часов сроку. И если ты завтра, по истечении этого времени, не исполнишь обещания, мы извлечем тебя насильно Святыми Именами и трубными звуками.

Лия (Дибук). Горе мне! Горе мне!

Раби Шлоймеле. Спрячьте Свитки. Тушите свечи.

Тушат.

(Сендеру.) Сей же час пошли самых быстрых лошадей за сватами и женихом, чтобы они приехали сюда не позже, как через двенадцать часов.

Сендер. Они, может быть, не захотят ехать?..

Раби Шлоймеле. Пусть им скажут, что я велел!

Лия *(очнувшись. Своим голосом).* Не хочу... не хочу... не хочу...

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же обстановка, что в третьем действии ...

<...>

Раби Шлоймеле. Михоэль! Возьми мой посох и ступай на кладбище и пойдешь по кладбищу к востоку. И когда дойдешь до середины, закрой глаза и с закрытыми глазами иди дальше и шарь посохом впереди себя. И на том месте, где посох задержится остановись. И подойди к могиле, которая будет всего ближе к тебе, и ударь по ней посохом три раза и скажи такими словами: «Покойник праведный! Шлойме, сын великого Тартаковского цадика, раби Ицеле, послал меня просить тебя, чтобы ты, ведомыми тебе путями и способами, известил покойника Нисонабен Ривке, что суд праведный вызывает его на суд с Сендером бен Гени». Повторишь это три раза. Потом повернись лицом к западу и иди обратно. И не оборачивайся, не оглядывайся назад, какие крики, призывы и голоса ты бы ни слышал за собою. Иначе ты будешь в большой опасности. И ни на один миг не выпускай из рук моего посоха. Остерегайся и остерегайся! Ступай, и Господь тебя спасет, ибо посланцы по святому делу охраняются от бед.

Михоэль хочет взять посох.

Подожди, Я сперва должен сделать отделяющий круг для покойника. (Подымается, подходит к левому углу и делает посохом слева направо большой круг и при этом что-то шепчет. Дает Михоэлю посох.)

Михоэль уходит.

Теперь пусть сделают ограду для покойника. Только следует остерегаться не ступить в круг, который я сделал.

Приносят простыню и привешивают ее за два края к потолку так, что спускаясь до пола, она закрывает весь левый угол.

Раби Шлоймеле. Позовите Сендера.

Входит Сендер.

Ты послал подводу за сватами и женихом?

Сендер. Послал.

Раби Шлоймеле. Их еще нет?

Сендер. Нет, но, должно быть, скоро придут. Я послал самых быстрых лошадей.

Раби Шлоймеле. Пошли гонца им навстречу, чтобы торопились.

Сендер. Пошлю.

Раби Шлоймеле (*иным тоном*). Раби Сендер, служба судейский известил тебя, что покойник Нисон бен Ривке вызывает тебя на суд?

Сендер. Да...

Раби Шлоймеле. Ты принимаешь наш суд?

Сендер (*дрожащим голосом*). Принимаю.

Пауза.

Раби Шлоймеле (*судьям*). Скоро среди нас появится *бесплотный* [беспокойный] дух из мира праведного и мы должны будем рассудить его тяжбу с человеком из мира призрачного. Такой суд свидетельствует, что, хотя Тора на земле, ее законы обязательны и для небес, и для *бесплотных* [беспокойных] духов. (*Пауза.*) Такой суд грозен и страшен – ибо за ним следят во всех высших Чертогах, и при малейшем отклонении от закона сами судьи могут быть вызваны к Верховному Судилищу. Мы должны быть стойки и непреклонны, ибо... ибо... (*Обрывает речь, оглядывается.*)

Все оглядываются. Наступает жуткая тишина.

Раби Шлоймеле устремляет взор на полог. Все за ним.

1-й судья (*тихим шепотом, со страхом*). Кажется, он здесь...

2-й судья (*тоже*). Он, кажется, здесь...

Раби Шамшон. Он здесь...

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Жуткая пауза.

Раби Шлоймеле. Покойник Нисон бен Ривке! Суд праведный повелевает тебе не выступать из круга, который для тебя обведен. *(Пауза.)* Покойник Нисон бен Ривке, суд праведный спрашивает тебя, что ты имеешь против Сендера бен Гени?

Слышны шепот, неясные слова. Все трепетно прислушиваются. Жуткая тишина.

1-й судья *(шепотом)*. Он отвечает...

2-й судья *(тоже)*. Он отвечает.

Раби Шамшон. Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке рассказывает, что в молодости ты с ним учился в одном ешиботе и вы жили душа в душу. Когда вы оба женились, вы встретились на праздниках у старого Тартаковского цадика раби Ицеле и, чтобы сильнее закрепить свою дружбу [душу], дали друг другу руку с клятвенным обещанием, что если у одного из вас родится сын, а у другого дочь – вы их будете считать женихом и невестой и потом ожените...

Сендер *(дрожащим голосом)*. Это... было... Мы поклялись.

Раби Шамшон. Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке говорит, что вскоре после этого его жена родила сына, а через год сам он умер. *(Короткая пауза.)* В мире праведном он узнал, что сын его наделен высокой душой и быстро подымается по ступеням совершенства. И радовалась, и веселилась душа его, и видел он, что, когда настало время жениться, сын его, сам не зная того, стал искать свою суженую. И ходил он из города в город, пока пришел в тот город, где жил Сендер. И вошел он в дом Сендера и сел у стола его. И устремилась душа юноши к нареченой его. Но Сендер был богат, а сын Нисона был нищ. И Сендер презрел его. И стал искать для дочери женихов с богатым приданым. И в душе сына Нисона зародилось отчаяние, и он стал искать новые пути. И душа Нисона печалилась и трепетала. И князь тьмы, увидав душевное смятение юноши распростер перед ним силки и сети и изловил его. И сын Нисона ушел из мира живых раньше времени. И умер он страшной смертью, с хулою против Бога на устах. И душа его блуждала без пристанища, как отверженная, пока не превратилась в Дибука. *(Пауза.)* Нисон бен Ривке говорит, что он остался отрубленным от обоих миров, без потомства, без поминальщика. Свет его погас до скончания миров. И единственным виновником своего позора и вечной гибели своего рода он считает Сендера. И он молит суд праведный, чтобы Сендера судили по законам святой Торы за кровь его потомства до последнего поколения, которую Сендер пролил.

Слышны рыдания. Пауза.

Раби Шлоймеле (*Сендеру*). Что ты можешь ответить?

Сендер (*тоном кающегося*). Не могу раскрыть уст моих, и нет у меня слов, чтобы говорить. Я признаю свою великую вину и молю Нисона, чтобы он простил меня. Ибо не по жестокости сердечной и не по злой воле совершил я грех свой... После нашей встречи мы разъехались в разные стороны, в дальние края, и я ничего не слышал о моем друге, и не знал, где он, и не знал, что у него родился сын, и что сам он умер. И, видя, что он меня не разыскивает и не напоминает, я решил, что жена его не родила сына и наша клятва уничтожена.

Раби Шамшон. Почему ты не разыскивал Нисона?

Сендер. У меня была дочь – и я считал, что, если б у него был сын, он бы меня искал. Ибо сторона жениха должна делать первый шаг.

Раби Шлоймеле. Почему, когда сын Нисона пришел к тебе в дом и сел за твой стол, ты не спросил его, кто он и откуда?

Сендер. Не знаю, не помню... Но клянусь, что душа моя стремилась взять его в мужа для дочери... И когда мне предлагали самые выгодные партии – я нарочно ставил свои невыполнимые условия. Таким образом, три раза различные сваты уезжали ни с чем... Но родственники, друзья настаивали...

Пауза.

Раби Шамшон. Покойник Нисон бен Ривке говорит, что это неправда!.. Ты уловил в сыне сходство с отцом и боялся спросить, кто был его отец. Ты гнался за червонцами, за сытым и долголетним столом для дочери – и по твоей жадности дерево его жизни подрублено под корень и венец с головы его скатился в пропасть.

Сендер. Нисон, во имя нашей дружбы, прости меня!

Пауза. Жуткая тишина. Входит Михоэль и молча подает посох раби Шлоймеле.

Раби Шлоймеле (*совещається с раввином и судьями. Берет посох*). Мы, суд праведный, выслушали обе стороны и постановляем: так как неизвестно, были ли жены обоих тяжущихся беременны в тот час, когда было совершено клятвенное обещание, и так как по законам святой Торы всякая сделка считается недействительной, если предмет сделки еще не создан, то суд праведный не может признать, что выполнение клятвы было обязательно для Сендера. Но так как в небесах клятва была принята и в душу юноши было заложено чувство, что отроковица – его суженая, то Сендер должен искупить совершившееся несчастье. Поэтому мы повелеваем, чтобы он до конца жизни читал по Нисону и его сыну поминальную молитву, как по родным, и

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

чтобы он роздал половину своего имения бедным за упокой души безвременно погибшего юноши. И суд праведный просит покойника Нисона бен Ривке простить Сендера полным прощением. И за это Господь прольет на него и сына его Свое великое милосердие. Аминь.

Судьи, раби Шамшон, Сендер. Аминь...

Раби Шлоймеле. Покойник праведный, ты слышал, что мы постановили? Принимаешь ли наше постановление?

Тишина. Еле слышны рыдания.

Покойник Нисон бен Ривке. Суд праведный закончен. Теперь ты должен вернуться туда, откуда пришел. В пути своем не задень ни одного живого существа. *(Пауза.)* Михоэль, подай воды.

Михоэль подносит кружку воды, таз, ставит на пол; все моют руки.

Снимите полог.

Снимают.

Михоэль, подай мне посох. *(Проводит посохом круг по тому же месту, что раньше, но обратно, справа налево. Сендеру.)* Сендер, ты слышал постановление суда праведного?

Сендер. Слышал.

Раби Шлоймеле. Ты его принимаешь?

Сендер. Принимаю.

Раби Шлоймеле. Сендер! Скоро истекает время, данное нами Дибуку. Как только он выйдет из тела дочери твоей, необходимо в тот же миг повести ее под венец. Что будет совершено, то будет совершено. Пусть к тому времени все будет приготовлено! Пусть дочь твою нарядят в подвенечное платье! Если жених еще не приехал, пошли нового гонца.

Сендер. Сделаю все, как велите.

Сендер выходит вместе с Михоэлем.

Раби Шлоймеле снимает с себя облачение и филактерий и складывает.

Раби Шамшон *(шепотом судьям).* Вы заметили, что покойник не простил Сендера?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Вы заметили, что он не сказал, что подчиняется постановлению суда?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Вы заметили, что на слова цадика он не ответил «Аминь»?

Судьи. Заметили.

Раби Шамшон. Это очень дурное предзнаменование... Смотрите, как раби Шлоймеле расстроен. У него руки дрожат.

Судьи. Да.

Раби Шамшон (*шепотом*). Мы свое дело сделали. Мы можем уйти...

Незаметно уходят.

Раби Шлоймеле (*сильно поглощенный мыслями. Поднимает руку к небу*). Создатель вселенной! Что должно свершиться – пусть свершится! Твоих постановлений я не хочу ломать. (*Пауза.*) Михоэль, вели ввести отроковицу.

Сендер и Фрада вводят Лию в подвенечном платье, сажают на диван.

Дибук [Дух]! Ты помнишь свое обещание?

Лия (**Дибук**) (*бледным, замогильным голосом*). Помню.

Раби Шлоймеле. Ты его исполнишь?

Лия (**Дибук**) (*так же*). Исполню...

Раби Шлоймеле (*поднимает руки к небу. Молитвенно*). Создатель! Господь прощения, жалости и милосердия. Мы прибегаем к Тебе с молитвой: воззри на муки и страдания *отверженной души человеческой* [отверженного духа] и поступи с нею милосерднее закона, не отринь от нее надежды на спасение, ибо пред Тобою открыто и Тебе ведомо, что согрешила она хулой против Твоего Святого Имени не по дерзости своей, а по неведению. Пусть пред Престолом Твоим предстанут ее добрые дела, заслуги ее предков и наши молитвы. И пусть все сие будет принято Тобою, как благоухающее воскурение. Господь Израиля! Отстрани в Своем великом милосердии от сей *души человеческой* [духа сего] всех дьяволов с их князем тьмы, очисти для него путь и дай ему в Твоих бесконечных мирах место покоя, тишины и отдохновения. Аминь!

Все. Аминь!

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

[Раби Шлоймеле. Дух! Повелеваю тебе выйти из отроковицы, вылететь через окно и в своем пути не задеть ни мужчину, ни женщину, ни живую тварь.]

Лия (Дибук) *(с отчаянием)*. Скорее читайте поминальную молитву. Скорее. Час истекает!..

Раби Шлоймеле *(читает)*. Да возвеличится, да освятится Его Великое Имя!

Лия (Дибук). Ай!

Разбивается стекло. Лия падает.

Раби Шлоймеле *(поспешно)*. Ведите невесту к венцу!

Михоэль *(вбегает)*. Только что вернулся гонец. Говорит, что у сватов сломалось колесо, и они идут пешком. Но их уже видно издали, они на пригорке. Скоро придут.

Раби Шлоймеле *(очень расстроенный)*. Что должно совершиться – пусть совершится... С невестой останется старуха. А мы все пойдем встречать жениха.

Делает посохом круг вокруг Лии. Все выходят. Остаются Лия и Фрада.

Долгая пауза.

<...>

Лия *(тяжело стонет. Открывает глаза)*. Кто здесь так тяжело стонет?

Хонон *(появляется перед нею в саване)*. Я!

Лия *(глядит на него)*. Кто ты? Я тебя не узнаю...

Хонон. Тебя отделили от меня непроницаемой оградой, заклтым кругом.

Лия. Твой голос мне так мил, как тихий плач скрипки в ночной тишине. Говори...

Хонон. Я весь истерзан...

Лия. Одежды твои белы и чисты.

Хонон. Земля меня не принимает.

Лия. Твое лицо и руки не покрыты ранами и язвами.

Хонон. Тело мое я убил раньше, чем дьяволы могли его коснуться. Но они терзают мою душу, обжигают ее своими взорами, обливают ядом, пронизывают безнадежным мраком.

Лия. Расскажи мне, кто ты.

Хонон. Я забыл. Я помню только тебя.

Лия. Но ведь ты был слит со мною.

Хонон. С тех пор, как во мне проснулась первая мысль, я ощутил в себе странную печаль и тоску. И в грезах беспокойного сна, и в грезах талмудического напева звучал для меня голос, звавший меня, как глас Господень отрока Самуила-пророка. И сердце мое, преисполненное трепетным восторгом, рвалось ввысь. И я убежал в лес, падал на землю, прижимался к ней и орошал слезами молитвы и восторга. И в тихую полночь я вскакивал с моего ложа, кидался к кивоту, прижимал пылающую голову к Священным Свиткам, бил себя в грудь, плакал и каялся в грехах несодеянных. Я искал пути к Богу – и припал жадными устами к источнику Торы. Но я не нашел покоя – и ушел «справлять изгнание». И бродил я с места на место, пока не пришел в твой город, пока не вошел в дом отца твоего. И я увидел тебя.

Пауза.

Лия (с закрытыми глазами). Говори... Когда ты говоришь, я сквозь закрытые веки вижу яркое солнце. Когда ты умолкаешь, вокруг меня становится темно и страшно.

Хонон. Я тебя увидел – и вся душа моя потянулась к тебе с трепетом восторга и молитвы. И я понял, что это я тебя видел в своих грезах и что раньше, чем встретить тебя, все мои ощущения были уже проникнуты тобою. Тебя я чувствовал в лучах солнца, в пении птичек, в дуновении ветерка и в прозябании травки. И каждая мысль моя была молитвой тебе, каждое дыхание – славословием тебе, каждый взгляд очей моих – благодарственной жертвой тебе. И я понял, что знал тебя с первого часа моего рождения – ибо ты моя суженая от Бога.

Лия. Припоминаю: и я тосковала тихой и нежной тоской по ком-то... И моя душа тянулась жадно к какому-то яркому светочу... Припоминаю: и я проливала сладкие слезы и в грезах ночных нежно, как мать, кого-то ласкала... Это был ты?

Хонон. Я...

Лия. Припоминаю: у тебя были мягкие, точно заплаканные волосы. У тебя были длинные ресницы и грустные, тихие глаза... у тебя были нежные руки с тонкими, длинными пальцами. И голос твой был печальный и ласковый... Я дни и ночи думала только о тебе и не ощущала в этом греха – это ты, мой суженый от Бога... *(Пауза.)* Почему ты ушел от меня?

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Хонон. Я ушел убивать плоть, чтобы очистить и возвысить душу, дабы она была достойна воспринять тебя. Я видел, что силами земными я не могу обрести тебя – и пошел искать силы небесные, силы преисподние.

Лия. И ты ушел из мира живых. И солнце мое погасло... и душа моя завяла... И повели меня, невесту-вдову, с веселым пением к венцу с чужим. Затем ты вернулся и пошла я с непокрытой головой к венцу с тобою. И в сердце моем зацвела мертвая жизнь и печальная радость.

Хонон. Теперь отняли у нас и эту печальную радость... Последнюю. *(Плачет.)*

Лия *(нежно)*. Не плачь, не плачь... Вернись ко мне, мой жених, мой муж. Я буду тебя, мертвого, носить в своей груди. И в ночных снах мы будем убаюкивать наших нерожденных детей. *(Плачет.)* Я буду им шить рубашечки, буду им петь песенки:

Баю, деточки мои,
Не родившись, умерли.
Мать – могила для отца,
Овдовела без венца...

С улицы доносится музыка, обычный мотив, с каким ведут к венцу.

(Встрепенувшись.) Опять идут, чтобы вести меня к венцу с чужим... с чужим... Приди ко мне... Приди.

Хонон *(рванувшись)*. Не могу переступить круг! Не могу!

Лия *(подымается, протягивает к нему руки)*. Если ты не можешь прийти ко мне, я иду к тебе. Мой вечный жених... мой муж! *(Кидается к нему. Падает мертвой.)*

Хонон исчезает.

Голоса *(за сценой)*. Дружки. Идите вести невесту к венцу.

Входит раби Шлоймеле с посохом. За ним мужчины, женщины.

Раби Шлоймеле *(увидав мертвую Лию, останавливается, опускает голову)*. Опоздали... *(Поднимает голову. Громко и торжественно.)* Благословен Судия праведный! Борух Даян эмет!

Занавес.

ЭПИЛОГ

Та же декорация, что в Прологе. Старик и Дочь сидят в тех же позах. Дочь, подавшись вперед, смотрит на Старика широко раскрытыми глазами, потрясенная только что выслушанным рассказом.

Старик (*поднимает опущенную голову и медленно, торжественно произносит*).
Борух Даян эмет! Благословен Судия праведный.

Занавес медленно опускается.

Конец.

3. Авром Рехтман. Могилы женихов и невест // Avrom Rekhman. Yidishe etnografye un folklore: zikhroynes vegn der etnografisher ekspeditsye, ongefirt fun Sh. An-ski [Еврейская этнография и фольклор: воспоминания об этнографической экспедиции под руководством Ш. Ан-ского]. Buenos-Ayres: YIVO, 1958. (перевод А. Полян)

Во многих подольских и волынских местечках рядом с синагогами находятся холмики, обнесенные оградой, которые называют *могилами женихов и невест*. И повсюду рассказывают почти одно и то же предание: в 1648-49 гг., когда Хмельницкий со своими бандами прошелся по Подолии и Волыни и уничтожил целые еврейские общины, среди его жертв были жених и невеста, которые были убиты вместе с теми, кто вел их под венец, и со сватами прямо во дворе синагоги, под свадебным балдахином. Жениха и невесту похоронили на том же месте, около синагоги. Тогда был введен обычай: каждые жених и невеста, которых ведут к венцу на синагогальный двор, прежде чем встать под свадебный балдахин, должны вместе со своими родителями семь раз обойти вокруг безымянной могилы. После бракосочетания музыканты должны играть «фрейлехс» – а жених и невеста с родителями должны станцевать в хороводе вокруг могильного холмика, чтобы порадовать погибших жениха и невесту, лежащих там.

4. Y.L. Cahan (red.). Yidisher folklor [Еврейский фольклор]. Vilne: YIVO, 1938 (перевод А. Полян).

История № 34. Как нашли ясскую синагогу

Давным-давно, много лет назад, евреям не давали свободно молиться. Тогда они стали выкапывать пещеры – и молиться там. После погрома, когда убили всех евреев и никого не осталось, синагога стала разрушаться – и ушла под землю. Много лет спустя там выстроили танцевальный зал для свадеб. Как-то раз там играли свадьбу. Прямо во время церемонии бракосочетания, которая происходила аккурат там, где когда-то находился *арн-койдеш*, земля поглотила и жениха с невестой, и сватов. Их бросились откапывать, а когда откопали – они все были уже мертвы. Жениха и невесту похоронили друг подле друга. Их могила до сих пор стоит возле синагоги, обнесенная оградой. Когда копали, заметили, что там когда-то была синагога. Ее откопали и отремонтировали.

Так благодаря жениху и невесте нашлась синагога.

История № 35. Могила жениха и невесты в Желехове

В Желехове, в самой середине старого кладбища, стоит синагога. Синагога уже старая, ей, как говоря, 600 лет. Кладбище уже совершенно разрушено, уцелело только одно надгробие. Желеховцы говоря, что причина в том, что жених и невеста умерли, выходя после церемонии бракосочетания, – и их похоронили прямо на месте.

ЗАМЕТКИ

אשכולות
КУЛЬТУРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP